

Владимир Внук
ЯГНЕССЯ

12+

Владимир Константинович Внук

Агнесса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62972468

SelfPub; 2020

Аннотация

Сюжет основан на легенде о Белой Панне из Гольшан – предании о девушке, замурованной в монастыре св. Францииска в Гольшанах в 1618 г. Княжна Агнесса Острожская обладает даром предвидения, Она и её сестра Анна Алоиза влюблены в Томаша Сапегу, племянника Павла Стефана Сапегу. Агнесса пишет письма о любви, адресованные Томашу Сапеге, а также эпистолы, адресованные невидимому другу. В Агнессу также влюблен Ян Героним Ходкевич. В это время «выборный царь Московский», польский королевич Владислав Ваза собирает войска для интервенции в Россию. Агнесса предостерегает от войны и тем самым наживает себе могущественных врагов...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Владислав Жигимонтович, старший сын короля польского и великого князя литовского Сигизмунда III, «выборный царь Московский»

Игнатий, епископ греко-католической церкви, «Патриарх Московский и Всея Руси»

Лев Сапега, канцлер Великого княжества Литовского, «московский комиссар»

Ян Кароль Ходкевич, великий гетман литовский, граф Священной Римской империи, «московский комиссар»

Ян Героним Ходкевич, подстолий Великого княжества Литовского, троюродный брат Яна Кароля Ходкевича по младшей линии

Кристина Ходкевич, жена Яна Геронима Ходкевича, дочь Павла Стефана Сапег

Павел Стефан Сапега, конюший Великого княжества Литовского

Эльжбета Весселина-Сапега, жена Павла Стефана Сапег

Теофелия незамужние дочери

Сусанна Павла Стефана Сапег

Томаш Сапега, племянник Павла Стефана Сапег

Януш Острожский, князь, староста Белоцерковский, кастелян Краковский

Элеонора Острожская, жена Януша Острожского

Анна Алоиза, племянница Януша Острожского, невеста Яна Кароля Ходкевича

Агнесса, племянница Януша Острожского

Альбрехт Станислав Радзивилл, князь, подканцлер Великого княжества Литовского

Януш Радзивилл, князь, подचाший Великого княжества Литовского

Евстафий Волович, архиепископ виленский.

Александр Гонсевский, писарь Великого княжества Литовского

Бартоломей Новодворский, рыцарь Ордена Госпитальеров

Бонаventura Раковский, настоятель монастыря святого Франциска Ассизского в Гольшанах

Отец Иоаким, монах монастыря святого Франциска Ассизского в Гольшанах

Подмастерье кузнеца, кузнец, сводня, старьёвщица, скупщица краденого, её дочь, горбатая монахиня, шляхтичи, жолнеры, гайдуки, слуги

Видения Агнессы: Змей, Горбун, Нищенка, тени.

Автор

ГОЛЬШАНЫ

Наши дни

Подземелье монастыря Франциска Ассизского. В центре

стоит стол, за которым сидит Автор.

Автор

В глухом болотистом краю,
Где воды Вилии струятся,
Где, выходя встречать зарю,
Я странным грёзам предавался,
Насыпан холм. Стоят на нём
Руины замка. В нём когда-то
Был воздух солнцем напоён.
В лучах багрового заката
Над ним алели небеса,
Летали птицы и шумели
Вокруг столетние леса.
Сейчас края те опустели.
Всё скрылось под густой травой,
Распалось в прах или закрылось
Во тьме доскою гробовой,
А век спустя совсем забылось.
Молчанье вечное хранит
Свидетель мужества и славы,
Борьбы, предательства, интриг,
Страданий, гибели... Гольшаны!
Здесь в первозданной тишине
Былое дышит мне в затылок
Легендами о старине.

Здесь безымянная могила
О заговоре трех князей
Хранит волнующую тайну.
Здесь в церкви огоньки свечей
Неровным светом озаряют
Княгини юной светлый лик.
Здесь навок слышатся напевы,
Здесь в дымке утренней скользит
Тень вдовствующей королевы,
Создавшей краковский престол.
Здесь на опасном расстоянии
Застыли церковь и костёл
В извечном противостоянии.
Здесь бродит дух былых времён,
Здесь Пётр и Карл Двенадесятый,
Кутузов и Наполеон
Сошлись в бескомпромиссной схватке.
Здесь при сиянии Луны,
По буреломам и болотам,
Не ведая преград земных,
Несётся Дикая охота.
Здесь в сумрачный полночный час
Из дымки белого тумана,
Невидимый для лишних глаз,
Выходит призрак Белой панны,
Загадочной, как лунный свет,

Недостижимой, как созвездье –
Высокий стройный силуэт,
Бесшумный, легкий, бестелесный:
Истлевшего подола шлейф,
Взгляд отрешённо-безучастный,
Обрывки кованных цепей
На щиколотках и запястьях,
Волос полупрозрачных течь,
Рубахи белоснежной ворот,
Распахнутый до самых плеч –
Так обречённо, так покорно...
Здесь мрачный погребальный склеп
Средневекового кляштара
Четвёртый век хранит секрет
Таинственной, жестокой драмы:
Семь букв на древнем кирпиче,
Распавшийся безмолвный остов
С косой, истлевшей на плече,
В оковах, в рубище посконном.
Кто скажет – кем была она?
Кого ждала, кого любила?
За что была осуждена?
Что унесла с собой в могилу?
Об этом не узнает мир –
Костёл святого Иоанна
И францисканский монастырь

Молчат. Лишь отзвуки органа,
Умолкнувшего на века,
Мерцание свечи потухшей
Да скрежет ржавого клинка
Поведать могут о минувшем:
О том, как в темноте ночной
Закрылась тихо крышка гроба,
Как в паре с огненной Луной
Над изумленной Европой
По небу хвост кометы плыл,
Пророча беды и несчастья,
Как рассыпались в прах и пыль
Гербы владетельных династий
В год переломный, роковой –
Семь тысяч сто двадцать седьмой.

СЦЕНА I.

СПАЛЬНЯ ВО ДВОРЦЕ КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХ В ВИЛЬНО.

18 января 1618 года

Стены обиты голубым бархатом с рисунком в виде цветов лилии. На столе установлены два бронзовых позолоченных подсвечника, в которых горят свечи.

Возле стола стоит Агнесса, одетая в голубое платье с высоким веерообразным воротником и рукавами-воланами.

По стенам колеблются тени: над силуэтом Московского Кремля клубится дым, скачут всадники, сражаются воины. Вверху темнеют цифры, составляющие число Золотого сечения – 1618.

Агнесса

Седьмая ночь без сна проходит:
Лишь стихнет полуночный бой –
Пред мною хороводы водит
Загадочных видений рой:
Бьёт барабан, бушует выюга,
Клубится чёрный едкий дым,
Гусар крылатые хоругви
Смыкают стройные ряды.
И пламя яростных пожарищ
Полуденный затмило свет...
Кто знает – что всё это значит?
Никто не может дать ответ...

Девушка садится за стол, открывает чернильный прибор, берёт чистый лист бумаги и пишет:

*«Во имя Троицы Святой!
Во имя веры Православной!
Ты, незнакомец долгожданный,
Сей рукописный труд открой.
Читатель, удели мне время!»*

*Вкуси раздумий долгих плод!
Имеющий глаза – узреет,
А ум имеющий – поймёт».*

*Агнесса откладывает первый лист в сторону, берет ещё
один лист бумаги и пишет:*

«Эпистола I. О будущем.

*Мой собеседник неизвестный,
Из будущего тайный гость!
Приди ко мне из мглы чудесной
И дай ответ на мой вопрос:
Как предсказание проверить,
И Ангела услышать клич?
Неизмеримое измерить,
Непостижимое постичь?
Как средь мучительных сомнений
Узреть грядущего оскал –
В небесных сумрачных знаменьях,
В бездонной пропасти зеркал?
Что будет завтра, через месяц,
Через неделю, через год –
Мне всё становится известно
Уже сегодня – наперёд.
Но только я замолвлю слово
О собственной своей судьбе –*

Число сеченья золотого
Я вижу в чёрной пустоте:
Один и шесть, один и восемь –
Таинственный и странный знак,
Число божественных пропорций,
Я не могу понять никак –
В моей судьбе – что это значит?
Во тьме ночной, при свете дня
Число пизанца Фибоначчи
Как тень, преследует меня...»

Девушка перечитывает написанное, затем кладёт листы в огромный фолиант, встаёт, гасит свечу и выходит из комнаты.

СЦЕНА II.

ФЕХТОВАЛЬНЫЙ ЗАЛ В БЫХОВСКОМ ЗАМКЕ ХОДКЕВИЧЕЙ.

25 января 1618 года

Вдоль стен стоят доспехи. На стенах висят щиты и знамена с изображениями гербов «Кастеша» и «Гриффон». В центре зала фехтуют на саблях и кинжсалах Ян Кароль Ходкевич и Ян Героним Ходкевич.

Ян Кароль Ходкевич

Не отступай, держи дыханье
И расстоянье соблюдай...
Ходы врага стремись заранее
Предугадать... Не отступай,
Попробуй лучше уклониться...
Удар! – эфес сжимай сильней...
Теперь укол кинжалом снизу –
Уйди направо и сумей
Мгновенно перейти в атаку –
Как бешеный лесной пожар!
И после ложного замаха
Разящий наноси удар!

Ян Кароль Ходкевич бросает на пол саблю и кинжал, снимает кирасу и вытирает со лба пот.

Ян Кароль Ходкевич

Ну всё, я думаю, довольно.
Хочу признаться: попотеть
Заставил ты меня сегодня.
Теперь пора бы знать и честь.

Гетман Ходкевич хочет выйти из зала, но Ян Героним останавливает его.

Ян Героним Ходкевич

Постой, останься на минуту –
Ты рассказать мне обещал
О временах московской смуты.

Ян Кароль Ходкевич

(усаживаясь в кресло)

Ну, хорошо... Я лично знал
Дмитрия-государя –
Он был тогда юнцом безусым,
Бежавшим из монастыря.
Ему пришили весьма по вкусу
И наш язык, и наш наряд,
И сеймов бурные раздоры,
И месс торжественный обряд,
И панночек лукавых взоры.
Но среди самых нежных роз,
Блистательных красавиц мира,
Дмитрия увлекла всерьёз
Дочь воеводы Сандомира.
Пришла пора начать игру –
Великий канцлер Лев Сапега
Привёл Дмитрия ко двору,
Взял под защиту и опеку.
Казалось, к Польше и Литве
Фортуна будет благосклонна –
Звезда царя в сырой Москве

Стремглав скатилась с небосклона,
И на московский трон взошёл
Великий государь Димитрий –
Расстрига, вор, холоп... смешно...
Прошло полгода – и Марина
Надела свадебный наряд,
А поп свершил обряд венчальный.
Но колокол забил в набат
И кровью оросились камни...
Димитрию настал конец –
Бесчеловечный, страшный, жуткий,
А мономаховый венец
Тотчас надел Василий Шуйский.
Но Лев Сапега не дремал:
Евнута правнук, князь Мстиславский
Поднял мятеж – и Шуйский пал.
И, наконец, короной царской
Был коронован Владислав.
Великий гетман пан Жолкевский
Вступил в Москву под звон литавр,
Но оказался слаб Гонсевский –
Огнём окрасилась Москва,
Змеёю обвилась измена...
Помочь нам даже не смогла
Смерть патриарха Гермогена.
И наш позор предотвратить

Я был уже, увы, бессилён...

Прости, мне больно говорить...

Бесчестье, трусость, бегство, гибель...

Ян Кароль Ходкевич на минуту замолкает, затем встаёт и надевает саблю.

Ян Кароль Ходкевич

Но в мае сейм принял решение

Опять с Москвою воевать –

А значит, время объявлять

Сбор посполитого рушения.

Ян Кароль Ходкевич выходит из зала.

Ян Героним Ходкевич смотрит ему вслед, затем идёт вдоль стены, на которой развешаны знамёна, мечи, сабли, пищали, кирасы, алебарды, мушкетёры.

Ян Героним Ходкевич

Опять война... К чему? Зачем?

Всё послезавтра канет в Лету:

Холодные клинки мечей,

Начищенные бацинеты,

Измятые в бою сады

С широкой прорезью для глаз –

Наследие великой славы

Смоленска, Грюнвальда, Черкасс,
Полей Чашинских, Клецка, Орши –
Позор врагам, награда нам,
Свидетели викторий прошлых –
А ныне бесполезный хлам...
Мне это чуждо и противно!
Хочу любить и быть любимым!

*Ян Героним Ходкевич садится за стол и пишет письмо
Агнессе:*

«Пусть горит оплывшая свеча,
Пусть по небу разольётся вечер,
Пусть в честь этой запоздалой встречи
Хрусталём бокалы зазвучат.
Сотни звёзд зажгутся в зеркалах,
Ветер за окном вздохнёт устало,
И поймают взгляд твои глаза
Сквозь пространство сумрачного зала.
За окном зажжётся лунный свет,
Сохранив от всех в глубокой тайне
Рук соединённых очертанья
И кроваво-красных роз букет.
И тогда в ночной тиши исчезнет
Давняя, глубокая печаль...
Пусть горит оплывшая свеча

Пусть по небу разольётся вечер...»

СЦЕНА III.

БИБЛИОТЕКА В ВИЛЕНСКОМ ДВОРЦЕ ОСТРОЖСКИХ.

2 февраля 1618 года

*Вдоль стен стоят массивные резные шкафы с книгами.
За дубовым столом, одетая в бледно-голубое длинное пла-
тье с кружевным белым воротником и кружевными манже-
тами, сидит Агнесса.*

Перед ней горит единственная свеча.

Агнесса

Ночь. Замер времени отсчёт

На солнечных часах.

И жизнь моя, как воск течёт,

Сгорает, как свеча.

Свеча, не угасай, гори!

Сияй в печальной тьме

Огнём таинственной зари,

Звездой в туманной мгле,

Пусть перестанут опадать

Листы календаря –

Но будет в темноте сиять

Свеча у алтаря...

Вдали раздаётся звон колокола. Агнесса берёт чистый лист бумаги, перо и пишет.

«Эпистола II. О прошлом».

*«Где вы, бывлые поколенья?
Где ваши страсти и мечты?
Надежды, планы, возжеленья?
Их больше нет. Из пустоты
На нас взирает безучастно
Портретов запыленных ряд
Людей, ушедших безвозвратно
Сто, двести, триста лет назад.
Мы все бессильны перед смертью,
Промчится жизнь, как краткий миг,
И может, на моём портрете
Останется такой же лик –
Немой, холодный, безучастный.
И, может быть, через века
Густой слой пыли с жёсткой ткани
Сотрёт безвестная рука.
К чему тогда идти по свету
Сквозь строй несчастий и невзгод?
Жизнь пишет миллион сюжетов –
Финал известен наперёд».*

Девушка кладёт лист в книгу, встаёт из-за стола и хочет выйти, но её с разных сторон окружают Тени.

Тени

На старых кладбищах в час поздний,
Едва появится Луна,
Покроет небо ночи мгла,
Выходим мы из преисподней.
Нам ведомы дела людей,
Их помыслы, мечты и судьбы,
Известно нам, что с вами будет
На протяжении жизни всей.
Не покидая вас ни разу,
За вами тихо мы идём –
Безлунной ночью, светлым днём –
До смерти рокового часа.

Агнесса

Опять сгустилась ночи мгла,
И пустота сковала разум,
И гложет душу тишина,
И вновь бессмысленные фразы
Текут из чёрной глубины,
И плачут каменные своды,
И ночи мрачных снов полны,
И мёртвым оком с небосвода

Глядит холодная Луна,
И бестелесные виденья
Летят ко мне. Им нет числа!
Вокруг – лишь тени, тени, тени...
Вы, порожденья темноты,
Слепые вестники несчастья,
Безвольные гонцы беды!
Уйдите! Я не в вашей власти!
Прочь! Отступитесь от меня!
Изыди, бесов злая свора!
Господь, защитник и опора,
Молю: не дай сойти с ума!

За окном светает, слышны крики петухов. Тени разлетаются в разные стороны.

Агнесса

Но розовеют небеса,
Заря алеет на востоке,
И огненная полоса
Трепещет в утреннем потоке.
А значит, хватит размышлений.
Пора сказать себе – «Очнись!»
Прощай, унылое забвенье!
И здравствуй, утро, здравствуй, жизнь!

Девушка встает из-за стола и широко распахивает окно.

Агнесса

Лишь мысль о нём – и все смешалось,
И навсегда забыт покой,
И сердце, как комочек, сжалось,
И мысли скачут вразнобой,
И чувство раненое плачет,
И жжёт огонь, и бьет озноб,
И пульс аллюром быстрым скачет,
И дней привычный хоровод,
Как нить натянутая, рвется,
И время замедляет шаг,
И поутру навстречу Солнцу
Летит крылатая душа.

Агнесса возвращается к столу, берет новый лист бумаги и пишет письмо Томашу Сапеге.

«Я – трепетная флейта, ты – флейтист.
Возьми меня рукою нежно-властной.
Открой неторопливо нотный лист
И поднеси меня к губам – я страстно
Спою тебе о том, как облака
Плывут неторопливо под луною,
Как светят звёзды нам издалека,

Как Млечный путь зовёт нас за собою.
И, слушая мой плач и нежный свист,
Играй на мне до самого рассвета.
Ты для меня – волшебник и флейтист,
В твоих руках я – трепетная флейта».

Девушка скручивает письмо, кладёт его в футляр, после чего читает письмо Яна Геронима Ходкевича, берёт новый лист бумаги и пишет ответ.

Агнесса

*«Ты перед Богом и людьми
Навечно обручён с другою.
Прошу: за все меня прости.
Мне никогда не быть с тобою.
Ни у кого не хватит сил
Рукой разрушить дерзновенной
То, что Господь соединил –
Двух разных души союз священный.
Моя душа другим согрета,
Я быть с тобою не хочу.
Прости за безответность чувств,
Прости за холодность ответа».*

СЦЕНА IV.

БИБЛИОТЕКА ГОЛЬШАНСКОГО ЗАМКА.

15 февраля 1618 года.

На огромном дубовом столе разложены книги, стоит глобус Птолемея. Возле окна стоит бронзовый телескоп. За столом Томаш Сапега читает «Об обращении небесных сфер» Николая Коперника. Наконец он кладёт книгу, встаёт и подходит к окну.

Томаш Сапега

Туман над речкою клубится,
Накрыла тьма далекий дол,
Легла последняя страница
На старый запыленный стол.

Открывается боковая дверь, и в библиотеку входит Анна Алоиза Острожская, одетая в нижнюю рубашку с глубоким вырезом на груди.

Анна Алоиза

(кладя руки на плечи Томаша)

Ты вновь в трудах? Опять не спится?

Томаш Сапега

Меня тревожит звёздный свет,
Огонь зарниц, зев тьмы бездонной,
Бесстрастный свет Луны холодной,

Движенья крошечных планет,
В неколебимом постоянстве
От первых до последних дней
Летящих в замкнутом пространстве,
Как объясняет Птолемей.
Все просто. Но куда сложнее
Коперниканская модель.
Подумай только: миллионы,
А может, миллиарды звёзд,
Молчанье черноты бездонной,
Огонь и ледяной мороз...
И, красотой вдохновленный,
Я наблюдать всю ночь готов
В пустынной темноте Вселенной
Многообразие миров.

Анна Алоиза

Как будто нет других забот
Всю ночь смотреть на небосвод,
Ломая голову напрасно,
Касаясь тем небезопасных.
Какое дело до того,
Что крутится вокруг чего?

Анна Алоиза прижимается к собеседнику, но тот отстраняет её.

Томаш Сапега

Представь хотя бы на минуту
Тот вдохновенный глазомер,
Что вычислил одним рассудком
Вращение небесных сфер,
И рассмотрел под маской ложной
Иную сторону вещей.
Что видно – рассмотреть не сложно.
Проникнуть в суть куда сложнее.

Анна Алоиза

(разочарованно)

Но спать пора... спокойной ночи!

Анна Алоиза выходит через боковую дверь.

Томаш Сапега

Прощай! Ушла... и снова строчки
По книжному листу бегут,
За тайной открывая тайну,
И снова дух мой алчет знанья,
Открыта мне явлений суть,
Фигур и чисел смысл глубокий,
Блеск молний, свет звезды далекой,
Но бесконечен этот путь.

Зачем в тщеславии напрасном
Пытаюсь я обосновать,
Что есть сознание, высший разум,
Душа и Божья благодать?
К чему вопросы и сомненья:
Что значит свет, что значит тьма?
Не существует тайн Вселенной
Для искущённого ума...

Томаш Сапега ставит книгу на полку, из неё выпадает лист бумаги. Он берёт лист в руки, разворачивает его – это новое письмо Агнессы.

Голос Агнессы

«Ты – Солнце, я – Луна. Твой нежный свет
Я день и ночь покорно отражаю.
Средь миллионов звёзд, планет, комет
Я только о тебе одном мечтаю.
Ты – господин, а я – твоя раба,
Закованная в цепи притяженья.
Ходить вокруг тебя – моя судьба.
Вращай меня до головокруженья.
Ты – сноп огня, а я – песчинка льда,
Во тьме холодной ищущая счастья.
Испепели, сожги меня дотла!
Я стать хочу искрой, кусочком

плазмы!

Я влюблена в тебя – и в том моя вина.

Ты не придёшь – и утро не начнётся.

Я – мёртвая холодная Луна,

А ты – живое огненное Солнце.»

Томаш Сапега

Послание, уже второе...

Слова про нежность и любовь...

Приятны мне они, не скрою

Но мне не нужно этих слов...

Всё очень мило. Но – увы! –

Не нужно мне её любви!

Томаш Сапега кладёт лист обратно в книгу и ставит её на полку, после чего выходит.

Открывается боковая дверь, и в библиотеку осторожно входит Анна Алоиза. Она берёт книгу, вынимает письмо Агнессы и быстро читает содержание, после чего судорожно комкает бумагу.

Анна Алоиза

О Томаш, Томаш, как ты слеп...

Она – не я! Она, она...

На все вопросы – вот ответ!

Но это не моя вина...

О ревность! Шутка злого беса,
Желаний чёрных снежный ком,
Кинжал без гарды и эфеса,
Ружьё со сломанным замком...
Ты мне всю душу иссушила
И сердце превратила в лёд.
Неразделённых чувств могила
Меня к отмщению зовёт!

Анна Алоиза рвёт письмо Агнессы на мелкие кусочки и бросает их в камин.

СЦЕНА V.

КЕЛЬЯ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО ФРАНЦИЗСКА В ГОЛЬШАНАХ.

21 февраля 1618 года.

Сводчатая комната, ярко освещенная множеством свечей. Вдоль правой стены стоит дубовый шкаф, в котором разложены фолианты. Вдоль левой стены на полках стоят сосуды с заспиртованными ящерицами, змеями, лягушками, рыбами.

В глубине комнаты установлена низкая печь, в которой горит огонь, над печью висит доска с каббалистическими знаками.

На балке под потолком на верёвках за шейные позвонки

подвешены два человеческих скелета, мужской и женский.

На большом деревянном столе стоят сосуды различных форм и размеров, фигурки из воска, лежат листы бумаги, стоят приборы для письма. За столом сидит отец Иоаким, одетый в длинную, до пят, чёрную сутану, в чёрной шапочке, из-под которой выбиваются седые волосы.

Открывается дверь, и входит Анна Алоиза – она с головы до ног укутана в плащ, на ногах ботфорты со шпорами. Лицо девушки скрыто бархатной маской, на голову одет капюшон.

Отец Иоаким встаёт из-за стола.

Отец Иоаким

Добро пожаловать, княжна.

Вы прячете лицо напрасно.

И маска здесь вам не нужна –

Вы без неё куда прекрасней.

Анна Алоиза снимает маску и сбрасывает с головы капюшон.

Отец Иоаким

(отвешивая низкий поклон)

Я у себя вас видеть рад.

Чем вызван ваш визит вечерний?

Анна Алоиза

Я вас спасла семь лет назад.

Отец Иоаким

Я благодарен вам безмерно.

Анна Алоиза

И вот сейчас пришла пора
Ответной отплатить услугой.

*Анна Алоиза передаёт монаху лист бумаги. Тот читает,
после чего смотрит на девушку.*

Отец Иоаким

(возвращая бумагу)

Она вам все-таки сестра...

Анна Алоиза

(поднося лист к свече)

Сестра по крови, не по духу.

Отец Иоаким

Но чем могу я вам помочь?

Анна Алоиза

Мне нужно лишь немного яда –

Надёжного, как острый нож,
Не ведающего о пощаде.

Отец Иоаким подходит к шкафу и вынимает из него флаконы с жидкостями и коробочки с порошками. Последним он ставит на стол флакон из горного хрусталя с золотой крышкой.

Отец Иоаким

Медвежье семя... кровь свиньи...
Глаз кошки... мякоть мухомора...
Гадюки яд... сок спорыньи...
Желчь волка... корень мандрагоры...
А здесь настойка мышьяка –
Святого Николая манна.
Она убьёт наверняка.
Пройдёт три дня – и шейте саван.
Для смерти хватит капель шесть –
Никто вас даже не осудит.
Но только попрошу учесть:
Пути назад уже не будет.

Анна Алоиза поочерёдно рассматривает содержимое пузырьков и коробочек, затем берёт пузырёк с манной Святого Николая, открывает крышку, нюхает, после чего закрывает и прячет пузырёк в рукав.

Анна Алоиза

О ваших странных измышленьях
Я даже думать не хочу,
Но за несчастных душ спасенье
Поставлю на канон свечу.

Анна Алоиза надевает капюшон, запахивается в плащ и торопливо выходит из комнаты.

Отец Иоаким

(задумчиво глядя ей вслед)

Сестра сестре купила яду,
Укрывшись пологом плаща.
А значит, заступ и лопата
Пожнут богатый урожай.

СЦЕНА VI.

КОМНАТА ГОЛЬШАНСКОГО ЗАМКА.

21 февраля 1618 года.

Возле отделанного мрамором камина стоит кровать с балдахинном, затканном серебряными лилиями. На стенах развешаны щиты с гербами магнатский родов Великого княжества Литовского: «Кастеша», «Острог», «Трабы», «Леллива», «Огинец», «Радован», «Гриф», «Гипоцентавр», «Дан-

брова», «Корчак», «Рох».

На центральной стене висят огромные щиты с гербами «Лис» и «Погоня»

За столом напротив зеркала сидит Агнесса и расчёсывает волосы. Наконец девушка откладывает расчёску, подходит к окну и вглядывается в ночную темноту.

Агнесса

Какая тьма... Ни зги не видно...

На западе закат угас...

Над всею Речью Посполитой

Уже пробил полночный час.

Клубятся сумрачные тени,

С погоста раздаётся звон,

И воздух дышит пьяной ленью...

Опять нас двое: я и... *он*.

Агнесса вновь садится за стол, берёт перо и пишет:

«Эпистола III. О душе.

Мой милый друг, опять мы вместе.

Итак, давай поговорим?

Скажи мне, что тебе известно

О том, что есть у нас внутри?

Промчатся годы – все истлеет:

Железо уничтожит ржа,

Безмолвным прахом станет тело.
Но что останется? Душа...
Что это? Ангела дыханье?
Свет Благодатного огня?
Небес далёких гимн сакральный?
Первопричина бытия?
*Душа, душа... она похожа
На свет свечи, разящий мрак,
На блеск звезды, по воле Божьей,
Сверкающей на небесах...*
Душа моя, свети, сияй!
И никогда не угасай!»

Агнесса кладёт в сторону перо, откидывается на спинку кресла и постепенно засыпает. Распахивается окно, резкий порыв ветра разом задувает свечи, становится темно.

Девушка просыпается. Отражение в зеркале искажается, из глубины появляется оскаленная морда Змея.

Агнесса

(осеняя себя крестным знаменем)

Сгинь, сгинь, исчезни, тёмный дух!
Нечистой совести проказа,
Озлобленной души недуг,
Рассыпья в прах!

Агнесса пробует убежать, но руки и ноги девушки опутывают цепи.

Змей вылетает из зеркала и предстаёт перед Агнессой в полный рост – гигантский, покрытый чёрной блестящей чешуёй, с огромными перепончатыми крыльями.

Змей

Для тех, кто связан
И с хромоногим рогачом,
И с лучезарным херувимом,
Уловки смертных нипочем.
От колыбели до могилы
Мы слышим духов голоса,
И видим тайные знаменья.
Для нас открыты небеса,
Мы черпаем свои сужденья
Из вечной книги бытия.
В ней – яркий свет звезды упавшей,
Тепло угасшего огня
И сотни призраков, восставших
Из подземелий родовых,
Бредущих по земле уныло
И в страх ввергающих живых
Всем тем, что будет, есть и было...
Я всё могу! Что получить
Желаешь ты на этом свете?

Ты хочешь в облаках парить?
Мечтаешь обрести бессмертье?
На все вопросы знать ответ
И потаённые причины...

Агнесса

Нужды в твоих услугах нет.
Я вижу суть, а не личину.
Твоим названьям несть числа –
Мамона, Люцифер, Иуда...
У лицедея нет лица,
Как нет души у душегуба!

Агнесса берёт зеркало и бросает его на пол – зеркало разбивается на множество осколков.

Змей исчезает в пламени, но на его месте Змея появляется Горбун.

Горбун

Своей судьбы избежать,
Она не внемлет уговорам.
Тебе назначено страдать –
Страдай же! Со столбом позорным
Цепями ржавыми навек
Тебя кат вскоре обвенчает,
И саван белый, словно снег,

Твоим венчальным платьем станет!

Горбун подходит щиту с гербом «Трабы», снимает нарисованную трубу и трубит в неё – раздаётся громкий пронзительный звук, похожий на крик-стон – Агнесса вскрикивает и просыпается.

В спальне никого нет. На столе догорает оплывшая свеча.

Агнесса

(оглядываясь по сторонам)

То был лишь сон... но что со мною?

Как сердце бешено стучит,

И страх холодной волною

По телу медленно скользит...

Агнесса берёт перо, чистый лист бумаги и пишет:

«Эпистола V. О снах.

Мой собеседник безымянный,

Откройся и поведай мне:

Возможно ль выразить словами

То, что является во сне?

В полночное глухое время

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.